

**ПСКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК**

**Научный семинар „Археология
и история Пскова и псковской
земли“
1980**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Ответственный редактор
доктор исторических наук В. В. Седов**

Псков 1980

**ПСКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК**

**НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ
ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ»
1980
ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ**

**Ответственный редактор
доктор исторических наук В. В. Седов**

Псков 1980

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. А. Александров	К 100-летию основания Псковского археологического общества	3
М. Э. Аун	Юго-восточная Эстония во второй половине I тысячелетия н. э.	4
В. Д. Белецкий	Итоги археологического изучения Довмонта города средневекового Пскова	6
С. В. Белецкий	Некоторые итоги археологического изучения Псковского городища	8
С. В. Белецкий, Г. Н. Пронин	Лепная керамика из погребений с сожжением второй половины I тысячелетия н. э. в Псковской и Новгородской землях	10
И. К. Лабутина	Летописные источники по истории Пскова (в связи с проблемами его археологического изучения)	12
И. К. Лабутина	Итоги археологического изучения Пскова	14
Г. Я. Мокеев	Довмонтав город в системе столичного центра вичевого Пскова	16
К. М. Плоткин	Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. в бассейне нижнего течения р. Великой	17

К 100-летию основания Псковского археологического общества

8 ноября 1980 г. исполнилось 100 лет со дня основания Псковского Археологического общества (ПАО).

Вначале группа любителей старины при Псковском Статистическом Комитете — в конце 1860-х и начале 1870-х годов, затем с 1872 г. Археологическая Комиссия при том же Комитете — таков путь дореволюционного псковского краеведения до основания ПАО. Общество возникло не на пустом месте: и до его основания в XIX в. проводились археологические наблюдения и раскопки силами местных краеведов. Достаточно указать на Е. Болховитина, Н. К. Богущевского, К. Г. Евлентьева, И. Ф. Годовикова.

Деятельность Общества была разносторонней: собирание древностей и раритетов, книг, этнографических и собственно археологических материалов, издание публикаций, первые попытки охраны памятников старины и первые раскопки в черте Пскова. Список этот далеко не полон. Общество было более краеведческим, чем археологическим. Однако действовало оно довольно активно. За 38 лет своего существования ПАО выпустило 13 томов трудов, 3 каталога, путеводитель по музею, «Спутник по древнему Пскову», «Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей» и ряд других трудов. Регулярно издавались Протоколы и Журналы заседаний ПАО. Члены Общества проводили археологические раскопки. Не случайно, что у истоков его стояли такие известные в свое время любители древности как И. И. Василев и К. Г. Евлентьев. И эта собственно археологическая сторона деятельности ПАО оценена далеко недостаточно. Сведения о различных периодах деятельности Общества неравноценны. Это связано, в частности, и с тем, что уже к 1908 г. часть архива за 1880—1886 гг. была утрачена, а эти годы — период наиболее активной деятельности ПАО.

Во время гражданской войны архив ПАО был утрачен полностью, а в период Отечественной войны 1941—45 гг. погибла большая часть археологических коллекций. Поэтому в истории археологической деятельности ПАО существует немало темных мест.

На организацию Общества оказали непосредственное влияние раскопки великих князей 1878 г. под Выбутами и Изборском, которые производились под руководством А. С. Уварова. Именно А. С. Уваровым и была высказана мысль об основании ПАО. Тогда же в принципе, поддержанная в петербургских верхах. Не случайно поэтому, что наиболее тесные отношения у деятелей ПАО были с Московским Археологическим Обществом. Члены ПАО принимали участие в некоторых всероссийских археологических съездах.

Сведения о первых раскопках членов ПАО отрывочны. Так, в 1889 г. В. Н. Коленским производились археологические раскопки «близ Елеазарова монастыря». Об этом автором раскопок был прочитан реферат на одном из собраний ПАО. Ни о целях, ни о результатах этих исследований сведений нет.

В 1896 г. в погосте Камно производил раскопки Ф. А. Ушаков. Вероятно, был вскрыт участок вала городища. Журнал раскопок опубликован автором, отчет послан в СПб., вещи хранились в музее

ПАО. Ф. А. Ушаковым же в 1897 г. была издана первая сводка археологических памятников Псковской губернии.

В 1899 г. консерватор музея А. А. Заборовский производил раскопки курганов с сожжением и труположением у д. Тивиково и пог. Малы. Раскопки были весьма несовершенны и уже в 1913 г. другому члену ПАО, В. Н. Крейтону, многое было неясно.

В. Н. Крейтон в 1912—13 г.г. производил раскопки в районе Выбут, а также у д.д. Паничи Горки, Тивиково, Лавры и пог. Овинчице и Тайлов. Раскапывались курганы с сожжением, жальничные погребения, селище.

В 1912—1914 г.г. ПАО ведет кропотливую подготовку к XVI Археологическому Съезду, который должен был состояться в Пскове. Это отразилось в активизации раскопок как по линии ПАО (указанные раскопки В. Н. Крейтона и раскопки В. А. Барановым-Косицким жальничных погребений в Порховском у. между дд. Лукошково и Максого) так и по линии Московского Археологического Общества (исследования В. В. Гольмстен, П. С. Рыкова, Д. Н. Эдингга, И. К. Линдемана, М. М. Воронца и В. С. Воронцова в Спичецком, Островском, Великолуцком и Хоямском уездах).

Кроме того, было разослано около 10 тысяч опросных листов—анкет с преимущественной ориентацией корреспондентов на археологический материал. Полученные таким путем сведения по всем уездам губернии были опубликованы Н. Ф. Окулич-Казариным в 10 и 11 выпусках трудов ПАО. Материал при этом подвергся существенным сокращениям, часть данных не была использована, имели место ошибки. Однако публикации 1914—1915 г.г. пока что — единственная для Псковской области сводка памятников археологии.

В связи с началом первой мировой войны XVI Археологический съезд не состоялся. Организаторам съезда удалось издать в 1915 г. каталог выставки, где есть данные по ряду археологических коллекций из раскопок 1913 г. Кроме этого, около 1914 г. был издан «Каталог музея Псковского Археологического Общества», наиболее полный из всех. В числе прочих в него включены все археологические коллекции.

В период гражданской войны Общество распалось.

Публикации, два сохранившихся тома анкетных опросов, остатки коллекций, отзывы в современной ПАО прессе показывают, что несмотря на краеведческий характер Общества, оно вело довольно активную работу и в своей повседневной деятельности часто выходило за рамки узко краеведческих дилетантских интересов.

М. Э. АУН (Таллин)

Юго-восточная Эстония во второй половине I тысячелетия н. э.

Юго-восточная Эстония, включающая территорию южнее реки Эмайыги до южной границы республики и от озера Выртсъярв и реки Вяйке-Эмайыги на западе до Чудского и Псковского озер на востоке, отличается своей материальной культурой от остальных районов Эстонии, начиная уже с каменного века и эпохи раннего металла. В первой половине I тысячелетия н. э. на упомянутой территории выделяются две подгруппы с характерными для них особенностями не

только в материальной культуре, но и, как полагают лингвисты, в языке.

Наиболее многочисленны на этой территории археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э., изучение которых показывает, что развитие материальной культуры здесь в это время происходило постепенно, на основе культуры предыдущего периода. По-прежнему проявляются и некоторые различия между западной и восточной частями юго-восточной Эстонии. Характерными памятниками западной части рассматриваемого региона являются городища и селища с рыугеской керамикой. При этом распространение рыугеской керамики, а также так называемой столовой посуды с ямочным орнаментом здесь совпадает в основном с ареалом каменных могильников с оградками первой половины I тысячелетия н. э. Городища и селища с рыугеской керамикой расположены в разных ландшафтных зонах и имеют довольно малые размеры. Городища при этом построены часто в местах, имевших природные преграды. Значительных земляных работ по повышению обороноспособности их почти не производилось. К части городищ примыкают одновременные с ними селища (Рыуге, Унипиха, Кививаре и др.). В последней четверти I тысячелетия увеличивается обороноспособность городищ юго-восточной Эстонии и они с расположенными рядом селищами становятся своего рода территориальными центрами и остаются таковыми до XI—XII вв. Территориальные центры возникают в основном в областях, заселенных уже с эпохи раннего металла, где в первой половине I тысячелетия н. э. наблюдается весьма плотное заселение.

В западной части рассматриваемого региона, где в первой половине I тысячелетия н. э. были распространены каменные могильники с оградками, в исследуемое время господствующим типом были каменные могильники без определенной внутренней конструкции. В некоторых же случаях продолжали хоронить и в старых могильниках с оградками. Наряду с каменными могильниками получают распространение, вероятно, и захоронения в неглубоких грунтовых ямах по обряду трупосожжения на стороне и без сопровождающего инвентаря.

Для восточной части рассматриваемого региона характерны длинные и круглые курганы. Остатки поселений, несмотря на их поиски, остаются до сих пор все еще малоизвестными. Эта территория является северо-западной окраиной ареала культуры длинных курганов. При этом, курганы юго-восточной Эстонии, хотя и относятся в целом к области распространения длинных курганов псковского региона, обладают некоторыми более архаичными чертами и своеобразием как в устройстве насыпей, так и в погребальном обряде. Это заставляет выделить группу длинных и круглых курганов юго-восточной Эстонии предположительно в особую подгруппу с характерными для нее чертами в величине и составе могильников, в устройстве, в погребальном обряде и пр. Возможно, что южной границей этой подгруппы была долина р. Пиузы.

Как каменные, так и курганные могильники второй половины I тысячелетия н. э. в юго-восточной Эстонии являются коллективными усыпальницами с преобладанием обряда трупосожжения, совершенного на стороне. Могильники этого периода, как правило, отличаются крайней бедностью сопровождающего погребального инвентаря, причем довольно большое количество захоронений безинвентарны. Погребальный инвентарь составляют главным образом предметы ук-

рашения и предметы, связанные с одеждой. В меньшем количестве представлены орудия труда и предметы обихода. Довольно много найдено керамики. При этом, в курганах керамика использована не только в качестве урн, а чаще связана с различными ритуалами.

Сопоставление археологических материалов с лингвистическими и антропологическими данными позволяет более многосторонне характеризовать две этнокультурные группировки юго-восточной Эстонии. Поселения с рыгуской керамикой в западной части этого региона распространены в основном в ареале тартуского диалекта эстонского языка, а курганные могильники восточной части — на территории вырусского диалекта эстонского языка. Вместе с тем следует отметить, что ареал распространения городищ и селищ с рыгуской керамикой несколько шире позднейшего тартуского диалекта, а ареал позднейшего вырусского диалекта шире территории распространения там длинных и круглых курганов. При этом весьма примечательно, что территория позднейшего тартуского диалекта занимает в основном те районы, где в археологическом материале больше всего встречается сходных элементов с культурой средней и северной Эстонии. В южной же части распространения городищ и селищ с рыгуской керамикой отдельные черты материальной культуры, характерные для населения, проживавшего на территории нынешней Псковской области, встречаются чаще, чем в более северных памятниках с такой же керамикой.

В развитии местной материальной культуры периода второй половины I тысячелетия н. э. весьма существенное значение имели взаимоотношения с соседними племенами, в первую очередь, с балтскими, а начиная с последних веков I тысячелетия, и со славянскими племенами.

Несколько скромнее, в отличие от одновременных памятников северной Эстонии, в изучаемом материале отражены отношения с Финляндией и Скандинавией.

В. Д. Белецкий (Ленинград)

Итоги археологического изучения Довмонтова города средневекового Пскова

Довмонтов Город — трапециевидный в плане участок псковской крепости, площадью около 1,5 га — непосредственно примыкает с юга к Персям (южной крепостной стене детинца псковского Кремля).

Письменные источники и иконографические материалы сообщают о постройке на территории Довмонтова города в разное время более 20 культовых построек. В литературе этот участок Пскова связывается обычно с административным и культовым центром Псковской феодальной республики.

Археологические исследования Довмонтова Города были впервые проведены в 1945 г. экспедицией ИИМК АН СССР под руководством С. А. Таракановой. С 1956 г. по настоящее время исследования здесь ведет экспедиция Государственного Эрмитажа. На 1979 год в общей сложности вскрыто около 10 тысяч кв м площади при мощности слоя от 3,7 до 7 м.

Культурные отложения в Довмонтовом Городе отчетливо разде-

ляются на два стратиграфических слоя. Нижний, мощностью до 1 м, представляет собой чернозем, насыщенный грунтовыми водами и содержащий остатки деревянного строительства от рубежа IX—X до XIII вв. Выше лежащие отложения содержат шлейф прослоек строительного мусора, отражающий процесс застройки территории Довмонтова Города каменными сооружениями, возводившимися, главным образом, в эпоху Псковской феодальной республики.

За годы археологического изучения Довмонтова Города удалось обнаружить, зафиксировать и частично музеефицировать 18 каменных построек: 11 храмов, 6 гражданских построек и остатки крепостных сооружений.

Среди исследованных культовых построек наибольший интерес представляют церкви Дмитрия Солунского XII в., Тимофея Газского XIII в., Кирилла XIV в., а также Николы с Гребли и Покрова Богородицы XIV в., сохранившие на своих стенах остатки фрескового убранства. Полученные при изучении культовых построек материалы позволяют по-новому оценить процесс сложения псковской школы зодчества и монументальной живописи.

Среди гражданских построек, открытых раскопками, наибольший интерес представляют здание рубежа XII—XIII вв., на месте которого в 1635 г. был поставлен Дворцовый Приказ, постройка второй половины XIII в. с подземным ходом под крепостную стену к берегу р. Великой, в республиканское время использовавшаяся под один из городских архивов, «поповская изба» XV—XVII вв., крыльцо приказных палат XVII в.

Из остатков крепостного зодчества исследована крепостная стена второй половины XIII в. и остатки надвратной башни — так называемые «Святые ворота».

Исследования Довмонтова Города позволили восстановить историческую топографию этого участка Пскова. На первом этапе (конец IX — первая половина XIII в.) территория Довмонтова Города представляла собой участок средневекового посада, в пределах которого новгородским князем Всеволодом-Гавриилом Мстиславичем был поставлен храм Дмитрия Солунского.

Второй этап (вторая половина XIII—начало XIV в.) связывается с сооружением на территории Довмонтова Города трех каменных храмов, постройкой окружающих этот участок крепостных стен, прекращением функционирования здесь деревянной посадской застройки и появлением каменного жилого здания с потайным ходом. С этого времени Довмонтов Город превращается, по-видимому, в административный центр Пскова, что можно связывать с деятельностью князя Довмонта-Тимофея. Не исключено, что каменная жилая постройка представляла собой остатки палат князя.

Третий этап (XIV—XV вв.) характеризуется бурным строительством в черте Довмонтова Города каменных культовых построек. По-видимому, в эпоху существования Псковской феодальной республики, Довмонтов Город становится, главным образом, религиозным центром Псковской земли.

Четвертый период истории Довмонтова Города (XVI—XVIII вв.) связан с постепенным обветшанием храмов на его территории. Завершение этого процесса относится к 1831 г., когда в Довмонтовом Городе был разобран последний «ветхий» храм.

Некоторые итоги археологического изучения Псковского городища

Псковское городище расположено на высоком скалистом мысу при слиянии рек Псковы и Великой, занимает северную половину Крома — детинца средневекового города. Площадка городища овальная в плане, с запада ограничена крутым берегом Великой, с севера и с востока — крутым берегом Псковы. От плато городище отделено перепадом материковой скалы, и южная часть Крома (участок между Троицким собором XVII в. и персями — южной крепостной стеной крома) в древности находилась за пределами городищенских укреплений. Площадь городища 1,5 га.

Псковское городище неоднократно становилось объектом археологического изучения (К. К. Романов, 1930., Н. Н. Чернягин, 1936, 1941., С. А. Тараканова, 1946—1949 гг., Г. П. Гроздилов, 1960, 1961., С. В. Белецкий, 1972, 1977, 1978). Исследованная площадь составляет более 2,2 тысячи кв. м, мощность культурного слоя от 0,8 до 2,2 м. Напластования культурного слоя городища неоднократно подвергались механическим перемещениям, нарушались в результате разновременных перекопов. Ни в одном из раскопов не удалось выявить в неповрежденном виде полный шлейф отложений. Ключом для выявления неповрежденных участков культурного слоя явился керамика. Методом искусственной очистки культурного слоя путем исключения из статистических подсчетов «пакетов» керамики, в которых содержались обломки круговых сосудов, удалось выявить участки культурного слоя, не подвергавшиеся перекопам во 2 тысячелетии н. э. Напластования более позднего, чем I тысячелетия н. э., времени отчетливо выявлены только в раскопках 1977/78 г.г.

Пластография керамики на неповрежденных поздними перекопами участках позволила выявить шесть керамических наборов, в основном не связанных между собой эволюционным развитием форм, а для круговой керамики и орнаментики. Набор 1 составляют обломки сетчатой керамики, аналогичные керамике каменных могильников первой половины I тысячелетия н. э. юго-восточной Эстонии. Набор 2 составляют фрагменты от сосудов пражско-корчакской группы, а также баночных и тюльпановидных сосудов, аналогичных керамике типа верхнего слоя Тушемли. Третья группа керамики представлена набором кухонной и столовой посуды типа керамики городищ Камно-Рыуге. В четвертую группу объединена предкруговая и примитивно-круговая керамика, сходная с керамикой сукновско-фельдбергской группы. Группа 5 представлена круговой керамикой т. н. «роскошного стиля» в орнаментике (фрезендорфский, гарцкий, торновский типы). Группу 6 составляет круговая древнерусская и средневековорусская керамика. В последней фиксируются несколько хронологических подгрупп, связанных между собой эволюционным развитием форм и постепенным упрощением в орнаментике.

Анализ остатков домостроительства Псковского городища позволил выявить три принципиально различных типа жилых построек. Тип 1: наземные постройки со столбовой конструкцией стен (?) и углубленным котлованом в центральной части. В углу котлована, напротив входа в виде постепенно понижающегося коридорчика располагался развал печи-каменки (?). Как будто бы удается фиксировать круговую застройку площадки городища постройками этого типа, с оставлением незастроенной центральной площади. Тип 2: наземные

постройки с глинобитным полом и отопительным сооружением в виде открытого очага из речного песка, обложенного по краю плитняковыми камнями, поставленными на ребро, либо глинобитной печи на булыжном опечье. Отопительные сооружения занимают в интерьере построек срединное положение. Предположительно реконструируется рядовая планировка застройки городища с оставлением уличных проездов. Выявлено до пяти строительных горизонтов застройки, фиксирующих долговременность поселения. Тип 3: наземные бревенчатые срубы с дощатыми полами на лагах и печью в углу. Застройка площадки городища этими постройками остается не вполне ясной из-за сильной нарушенности культурного слоя. Фиксируется не менее двух одновременных строительных горизонтов застройки.

Раскопками 1977/78 гг. и анализом полевой документации 1948, 1960 гг. удалось, кроме того, выявить еще один тип построек: наземные срубы без отопительных сооружений, которыми площадка городища была плотно застроена на последнем этапе постоянного функционирования памятника. Облик открытых остатков предполагает хозяйственное назначение построек, вероятные складские функции их.

Относительная хронология выявленных типов построек и соотношение их с керамическими наборами позволили выявить пять культурно-хронологических периодов в жизни Псковского городища. Хронология этих периодов установлена типологическим анализом находок, дающих серии более или менее твердых дат:

тип постройки	керамика	датировка	период
тип 3	группа 6	XI—XV вв.	Псков Г-II
	группа 5	к. X-нач. XI	
	группа 4	к. IX-X вв.	Пск в Г-I
тип 2	группа 3	к. VII-IX вв.	Псков В
тип 1	группа 2	VI-VII вв.	Пск в Б
—	группа 1	перв. пол. I тыс. н. э.	Пск в А

Определение места каждого из выделенных культурно-хронологических периодов в системе древностей Европы позволяет отрицать эволюционную преемственность в развитии материальной культуры Псковского городища. Поселок Псков А относится к кругу древностей культуры каменных могильников эсто-ливского типа. Поселок Псков Б по массовому керамическому материалу связывается с поселениями и погребальными памятниками культуры псковских длинных курганов. Псков В несомненно принадлежит к памятникам типа Камно и шире — древностям рыугеского круга, Псков Г — 1 своим

происхождением сближается с соседним Изборском, для которого в VII—IX вв. характерна керамика суковского типа и аналогичное псковскому домостроительство. Оба поселения не находят себе в Повеличье и Причудье соответствия, но по облику материальной культуры связываются с древностями междуречья Нижней Вислы и Одера. Наконец период Псков Г-II характеризуется материальной культурой, характерной для широкого круга древностей русского средневековья на Северо-Западе.

Существенно отмеченное раскопками 1977/78 гг. наличие в культурном слое городища «лакун», объясняющихся проводившимися здесь нивелировочными работами в конце XI и на рубеже XIII—XIV веков. Это наблюдение может иметь большое значение для понимания судеб памятника.

Предлагаемая модель культурной стратиграфии Псковского городища, находящаяся полное подтверждение анализом материалов раскопок в других частях средневекового городского ядра, представляется пригодной для проверки новыми стационарными исследованиями памятника и для последующего сопоставления с результатами изучения других категорий источников, прежде всего с фактами летописной истории и данными лингвистики.

С. В. Белецкий, Г. Н. Пронин (Москва)

Лепная керамика из погребений с сожжениями второй половины

I тысячелетия н. э. в Псковской и Новгородской землях

Лепная керамика является наиболее массовой категорией находок в погребениях по обряду кремации на Северо-Западе, в том числе в Псковской и Новгородской землях. В настоящее время имеются сведения о находках более 250 сосудов или их фрагментов, непосредственно связанных с погребальными комплексами. Из этих находок более половины доступны для исследования.

Лепная керамика из погребений с сожжениями Псковской и Новгородской земель не вполне однородна. Удалось выявить ряд форм грубой и парадной подлощенной керамики, разделяющихся на типы и варианты.

Совстречаемость разнотипных сосудов по погребальным комплексам позволила определить относительную хронологию погребальной керамики. Абсолютная хронология определена типологическим анализом находок, дающих серии более или менее твердых дат. Сосуды из погребальных комплексов распадаются на две типо-хронологические группы: 1/вторая половина I тысячелетия н. э. и 2/IX—X вв. Группы не являются хронологически резко обособленными, частично накладываются друг на друга.

Корреляция выделенных типов сосудов с различными группами погребальных сооружений и деталями обряда захоронения позволила установить, что в пределах Псковской и Новгородской земель имеются две большие группы погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э., объединенные единством керамического набора. Первую группу составляют грунтовые могильники, длинные, удлиненные, круглые и комбинированные курганы. Во вторую группу объединяются каменные могильники и курганы с подкурганными каменными конструкциями. В особую группу выпадают сопки, но их выде-

ление по керамическому материалу условно, так как имеющаяся в распоряжении выборка недостаточно репрезентативна. В целом имеющаяся из сопок керамика не отличается от керамики первой группы погребальных памятников.

Определение места керамических наборов из разных групп погребальных сооружений в системе древностей Восточной Европы позволяет считать, что в пределах Псковской и Новгородской земель во второй половине I тысячелетия н. э. фиксируются два значительных ареала погребальных сооружений, различающихся территориально и по своему происхождению.

Территорию Эстонии занимают погребальные памятники культуры каменных могильников. Большинство исследователей (Х. А. Моора, М. Х. Шмидехельм, С. К. Лаул, М. Э. Аун) связывают погребальные сооружения этого типа с широким кругом древностей культуры каменных могильников первой половины I тысячелетия н. э. и подчеркивают местное происхождение традиций обряда. Это подтверждается и анализом керамики, связанной развитием форм с керамикой каменных могильников первой половины I тысячелетия н. э.

Вся остальная территория Псковской и Новгородской земель была занята культурой «курганов с сожжениями» (включая ранние сопки и грунтовые могильники). Керамика из курганов с сожжениями находит себе ближайшее соответствие в керамике памятников типа верхнего слоя Тушемли. Хронологические причины не позволяют определенно говорить о соотношении культуры курганов с сожжениями и древностей типа Тушемли. Но учитывая стадийное соотношение этих групп древностей в предположительной форме можно считать культуру курганов с сожжениями несколько более поздней, чем культура Тушемли, что может указывать на южное происхождение курганов с сожжениями Псковской и Новгородской земель. О несомненном же пришлое характере культуры курганов с сожжениями для Псковской и Новгородской земель говорит отсутствие на Северо-Западе их предшественников в культурном отношении.

В контактной зоне между культурой каменных могильников и культурой курганов с сожжениями существует обособленная группа погребальных памятников: курганы с подкурганными каменными конструкциями. Для них характерен керамический набор, восходящий к керамике каменных могильников первой половины I тысячелетия н. э., но функции в погребальном обряде керамика выполняет те же, что и в обряде курганов с сожжениями. Сочетание элементов двух различных погребальных традиций позволяет считать курганы с каменными конструкциями гибридной формой погребальных сооружений, возникших, вероятно всего, на основе традиций каменных могильников, но воспринявших элементы курганного обряда захоронения.

В IX—X вв. на разных участках Псковской и Новгородской земель появляются небольшие и сравнительно обособленные группы полусферических курганов, в погребальном обряде которых использовалась керамика, не связанная своим происхождением с керамикой предшествующего времени (керамика т. н. «ладожского типа», типа «смоленских длинных курганов»). Территориальная обособленность курганов с различной керамикой подтверждает появление их в результате новых, внешних для региона, импульсов.

Сопоставление перечисленных наблюдений с данными смежных дисциплин, прежде всего с фактами языкознания, позволяет ставить

вопрос об этноязыковой принадлежности носителей различных традиций погребального обряда и о соотношении их между собой.

И. К. Лабутина (Псков)

Летописные источники по истории Пскова (в связи с проблемами его археологического изучения)

Обращение археологов, работающих на средневековых памятниках, к письменным источникам неизбежно и необходимо. Чаще всего оно происходит на стадии построения рабочей гипотезы и при исторической интерпретации результатов раскопок.

Привлекая летописные данные в комплексном исследовании археологического памятника, археолог должен следовать правилам, принятым в источниковедении письменных источников, пользоваться наблюдениями источниковедов, а в случае несогласия с ними — аргументировать свою точку зрения на основе методики летописеведения. Такова исходная позиция, с которой в докладе анализируются летописные известия о Пскове до середины XI в. и историко-топографический материал в записях XIV—XV вв. в псковских летописях.

Задача анализа первых летописных известий о Пскове значительно облегчается благодаря работам, выполненным русскими и советскими исследователями по истории русского летописания. По некоторым, наиболее важным проблемам ученые пришли если не к общим, то близким выводам, что позволяет оценить возможности летописного источника при изучении того или иного периода. Такими проблемами представляются: 1) определение древнейших летописных памятников; 2) начало летописания; 3) время введения хронологических обозначений в летописный текст.

Древнейшими летописными памятниками из сохранившихся все исследователи считают Повесть временных лет (ПВЛ) по Лаврентьевской (ЛАВР) и Ипатьевской (ИПАТ) летописям и Новгородскую Первую летопись младшего извода (НПЛ). Эти наблюдения объясняют обращение в первую очередь к данным источникам при изучении истории Руси IX—XI вв.

Начало русского летописания в настоящее время определяется разными исследователями в диапазоне от конца X до 60—70 гг. XI в.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что первоначальные летописные тексты имели относительную хронологию. Погодные записи появились не ранее второй—третьей четвертей XI в. В ПВЛ абсолютные даты были проставлены впервые преимущественно в результате редактирования в 50—60-х (А. Г. Кузьмин)—60—70-х гг. XI в. (М. Х. Алешковский). Даты, обозначающие в ПВЛ события IX в., по мнению М. Х. Алешковского, введены автором 3-й редакции (1119). Приведенные наблюдения позволяют считать, что в IX—X вв. (до конца X в.) одновременным событиям записей не велось, что эти события были зафиксированы позднее на основе устной традиции и ряда письменных свидетельств, послуживших источниками для автора и редакторов ПВЛ.

Первое известие о Пскове — о женитьбе Игоря на Ольге из Пскова — недатировано в НПЛ (по контексту устанавливается относительная дата — «до 920 г.»). Дата «903 г.» в ЛАВР и ИПАТ введена, согласно вышесказанному, не ранее XI — первой четверти XII вв.

Сам факт женитьбы Игоря на Ольге сомнения не вызывает. Однако в источниках, на которые опирались редакторы ПВЛ, дата замужества отсутствовала, что привело, возможно, к произвольному проставлению даты (903), несколько противоречащей последующим, лучше проверяемым, фактам биографии Ольги. Дата «903 г.» отражает представление летописца XI (или нач. XII) в. о том, что Псков уже существовал на рубеже IX и X вв.

Второе известие, датированное в НПЛ, ЛАВР, ИПАТ 947 годом, связано с поездкой Ольги в Новгородскую землю и сохранением ее саней в Пскове (в XI в.). Это известие было продатировано, возможно, уже в XI в.

Оба известия говорят о существовании Пскова в первой половине X в. Этот факт подтверждается археологическими данными, позволяющими говорить о Пскове как поселении не только для X в., но за много веков до его первого упоминания письменными источниками.

Третье известие о Пскове, одинаково датированное 1036 годом в ЛАВР и ИПАТ и отсутствующее в НПЛ, сообщает о посадении Судислава, брата Ярослава, в поруб в Пскове. Дата соответствует действительности, хотя дошедшая редакция известия появилась, вероятно, после смерти Ярослава (М. Х. Алешковский). Псков здесь назван как место заточения Судислава. Известия о Судиславе в других летописных записях не позволяют сказать большего, хотя в литературе имеются различные предположения на этот счет.

Существующая в исторической литературе традиция считать Судислава псковским князем не находит опоры в древнейших летописных источниках и основывается на некритическом восприятии свидетельства поздних летописных сводов (самый ранний из них—XV в., представлен Софийской первой летописью), включивших в статью «938», сравнительно с ПВЛ, определение уделов для Станислава (Смоленск) и Судислава (Псков).

Все случаи заточения киевскими князьями политических противников свидетельствуют об удалении их из места, где они княжили или посадили. Не содержат данных о Судиславе как псковском князе и псковские летописи и Архангелогородский летописец. Такое состояние источников заставляет усомниться в псковском княжении Судислава или, по крайней мере, говорить о нем гипотетически.

Рассмотрение ранних летописных известий о Пскове говорит об их немногочисленности, ограниченности содержания и позволяет считать, что они не дают материала для решения вопроса о времени возникновения Пскова. Состояние археологических источников более обнадеживает.

Одной из насущных проблем является вопрос перерастания поселения в город. Для его решения требуется продолжить полевые работы, обработку и всестороннее осмысление накопленного материала. Наблюдение о Пскове IX в. за пределами Крома (С. В. Белецкий) пока убедительно не аргументировано. Дата «882 г.» как время основания Пскова не может быть принята главным образом из-за особенностей источника (позднее введение хронологических обозначений, отсутствие одновременных записей, неконкретность сообщения о строительстве городов). Аргументация С. В. Белецкого в пользу даты «882 г.» не учитывает этих особенностей. Наиболее продуктивным направлением в разрешении данной проблемы является не оты-

скивание абсолютной хронографической даты, а продолжение изучения археологического материала.

Историко-топографический материал псковских летописей, отраженный в статьях XIV—XV вв., является надежным источником, привлечение которого археологами важно как при планировании археологических работ, так и при интерпретации их результатов. Сравнение летописных и археологических данных особенно важно при определении времени заселения участка и характера его использования. Ряд топонимов, возможно, найдет объяснение с помощью археологии (ц. Петра и Павла с Буя, Городец).

И. К. Лабутина (Псков)

Итоги археологического изучения Пскова

Попытки проведения археологических раскопок в Пскове в дореволюционное время (1899, 1905, 1912 гг.) были случайными и не доведенными до конца. Необходимость археологических раскопок сознавалась исследователями уже в этот период, причем наиболее важным представлялось установление времени и места возникновения Пскова.

Целенаправленные археологические раскопки в Пскове были начаты в 1930 г. К. К. Романовым (ГАИМК), заложившим два небольших раскопа общей площадью около 20 кв. м в Кремле. Задачами экспедиции были выяснение места древнейшего поселения и выявление возможности дальнейших работ в Кремле. Раскопки показали перспективность археологического изучения этой части Пскова и на много лет вперед определили интерес к ней археологов.

В течение 50 лет со времени первых раскопок в Пскове работало много археологических экспедиций, в организации которых приняли участие различные учреждения (ГАИМК—ИИМК—ИА АН СССР, Гос. Эрмитаж, Псковский музей, Управление культуры Псковского облисполкома, ПГПИ, Областное отделение ВООПИК, Псковская научно-реставрационная мастерская).

Раскопанная площадь на конец 1980 г. превысила 2,25 га — несколько больше 1% средневековой территории в пределах Окольного города. Раскопки затронули все части старого Пскова, но неравномерность в их изучении пока удерживается, хотя в последние годы в связи с охраняемыми раскопками на периферии Окольного города она уменьшилась. Наиболее раскопан Довмонтов город. Относительно своей площади менее всего изучены Средний город и Окольный город.

В ходе осуществления законодательства об охране памятников на основе опыта археологического изучения Пскова выработан режим охраны его культурного слоя, который предусматривает обязательные археологические раскопки на местах застройки в пределах стен Окольного города и прибрежной части Завеличья. Постановлением Совета Министров РСФСР № 624 от 4.12.1974 г. культурный слой Пскова взят под охрану как памятник республиканского значения. Полевые археологические работы в Пскове идут успешно.

Проведение раскопок в различных частях Пскова позволило составить довольно подробное представление о его культурном слое. Мощность его колеблется в зависимости от первоначального рельефа и функционального использования территории и в основном не пре-

вышает 6,8 м. Своеобразие культурного слоя Крома зависит от топографических особенностей, характера домостроительства и иных условий. В Довмонтовом городе, как и в южной части Крома, особенностью слоя — в наличии значительных отложений строительного мусора — следов активного каменного строительства и нивелировок разрушенных зданий. Вне пределов этих двух древнейших частей псковской крепости в слое обычно четко различаются две части: 1) отложения позднего времени (вторая половина XVII—XX вв.); 2) отложения средневекового периода с остатками преобладавшей деревянной застройки.

Изучение культурного слоя значительно пополнило и продолжает увеличивать фонд источников по Пскову.

Благодаря полученным материалам удалось установить непрерывность существования Пскова от первого поселения до наших дней. Последними исследованиями (С. В. Белецкий, К. М. Плоткин) время возникновения первого поселения на кремлевском мысу определяется как VI век.

Именно археологические данные (для XIV—XVII вв. — в сочетании с письменными источниками) дают возможность представить планировку и застройку средневекового города, динамику роста его территории. В составе культурного слоя обнаружено несколько сот построек, преимущественно деревянных, а также остатки каменных зданий. Среди построек преобладают жилые и хозяйственные; изучались также крепостные конструкции XIII—XV вв. (Кром, Домантова стена, стена посадника Бориса, укрепления Окольного города на Запсковье) и церковные здания, в том числе с монументальной живописью XIV—XV вв. Некоторые постройки были связаны с обработкой железа, цветных металлов, кожи. Раскопками зафиксированы остатки десяти улиц.

Благодаря многолетним исследованиям создалась возможность представить процесс заселения территории в пределах стены 1309 г., начавшийся по-видимому в X в. В восточной части этой территории, ближе к р. Пскове, заселение началось лишь в XI в., т. к. до этого здесь существовало курганное кладбище, остатки которого открыты под культурным слоем раскопками последних лет. Изучение этого памятника важно для выяснения границ раннего Пскова, состава городского населения в период становления и упрочения новых классовых отношений.

Предварительная датировка ранней части культурного слоя между стенами 1309 и 1375 гг. — рубеж XI—XII вв. (по одному раскопу);

на Полонище — XIII, XIII—XIV вв.;
на Запсковье — XIII—XIV вв.

Вещи из культурного слоя Пскова исчисляются десятками тысяч и представлены находками из разных материалов. Они дают возможность судить о занятиях псковичей (ремесло, промыслы, подсобные сельскохозяйственные работы), государственном строе, экономических и политических связях, культуре. Многие из этих сторон жизни города только начинают исследоваться археологами. Среди проблем, требующих дальнейшего изучения — детализация датировки, топографии, хозяйства первоначального поселения, а также города и посада; социальная структура, землевладение, ремесло, торговля и множество более частных вопросов. Пути решения этих проблем —

целенаправленные полевые работы (наряду с обязательными охраняемыми) и активная научная обработка уже имеющихся материалов. Представляется, что археология Пскова находится в последние годы на важном этапе исторического осмысления накопленных данных. Очевидно также, что изучение истории Пскова без привлечения археологического материала сейчас невозможно.

Г. Я. Мокеев (Москва)

Довмонтов город в системе столичного центра вечаго Пскова

Исследование художественной ценности Довмонтова города как целостного архитектурного ансамбля средневекового Пскова целесообразно вести обоими известными сегодня методами: архитектурным, точнее, историко-стилистическим (анализ форм отдельных памятников, затем ансамбля) и градостроительным (анализ города, затем места, значения в его структуре, композиции отдельного памятника или ансамбля). Первый из методов хорошо разработан, но Довмонтов город наполнен развалинами, фундаментами построек и применение его дает скромный результат. Восполняется это градостроительным методом, хотя он новый и находится в стадии разработок.

Еще в вечагой период (до 1510 г.) в Довмонтовом городе размещился административно-церковный центр Пскова. Ансамбль был, следовательно, частью комплекса столичного центра Псковской боярско-вечагой республики. При определении зоны этого столичного центра по общему критерию принадлежности объектов города к объектам общественно-государственного назначения (детально это проверялось по частным критериям: функциям управления, обороны, представительства, мемориала, «каменности» построек) выявилось, что зона состояла из ядра и вкраплений. Ядро столичного центра (не расчлененное частными дворами) образовывала цепочка ансамблей, спускавшихся с Кромского холма в низину междуречья: Кром, Довмонтов город, Торг с небольшими торжками в Рыбниках и у мостов в заречьях, Княжий двор и Снетогорское подворье по сторонам Торга, Елезаровское подворье в Запсковье. Другие объекты столичного центра на территории Среднего города (в стенах 1309 и 1375 гг.), Полонища, Запсковья, Завеличья входили в застройку вкраплениями. Определение их не всегда возможно из-за скудости источников.

Анализ градостроительной структуры и композиции столичного центра, особенно его ядра, а также архитектуры остатков построек, исторических документов о них, позволяет вполне определенно выявить черты уникальности Довмонтова города, которые представляются:

1. В единственности такого градообразования для Руси X-XV вв. Созданная и окруженная каменными стенами еще в конце XIII в. «Довмонтова стена» составила с Кромом-детинцем двойную Псковскую цитадель, а такие каменные крепости возникли много позднее лишь в Русском централизованном государстве под главенством Москвы (Иван-город, Ростовский кремль и др.).

2. В чрезвычайной индивидуальности функции — церковный соборный центр — единственный на Руси такого рода, возникший в XIV в.

3. В специфичности храмового комплекса, разместившегося в

Довмонтовом городе (6 соборных и 12 простых церквей — своеобразные представители перед Троицей от 6 концов города и 12 пригородов-волостей Псковской земли).

4. В особенности архитектуры построек. Здесь, в сущности, в конце XIII в. родилась псковская школа культового зодчества (первые храмы из плитняка) и здесь же оказались самые характерные постройки этой школы. Среди каменных ансамблей Древней Руси Довмонтов город резко выделялся своим «псковским» обликом.

5. В своеобразии расположения, группировки построек. Так, редчайшим для Руси является восточный ряд из шести храмов (три из них соборы), слитый в единый каменный массив.

6. В важности места, занимаемого в столичном центре. Центр построен в полном соответствии с иерархией общественно-государственных институтов вечевого Пскова: Кром-склад — начало «материальное», Троица — «духовное», Вече — высший орган власти, Довмонтов город — соборный центр псковской церкви; лишь затем идут Княжий двор, Торг, подворья.

7. В гармоничном сочетании с ансамблем Торга и самим городом. Торг был вечно заполненным «зрительным залом». Он даже имел конфигурацию амфитеатра, на «сцене» которого находились постройки цитадели. Довмонтов город с его некрополем находился возле этого самого шумного места и контраст вечного покоя и мирской суеты очень ощущался людьми при входе в Довмонтов город.

8. В гармоническом градостроительном сочетании Довмонтова города с Кромом. «Довмонтова стена» была не только частью Псковской цитадели. По композиции, наблюдаемой от города, ансамбль выглядел основанием пирамиды построек цитадели.

9. В неразрывной «духовной связи» с Кромскими постройками, особенно с Троицким собором. Храмы Довмонтова города составляли неотъемлемую часть «Дома святой Троицы», а буевище (кладбище) на его территории с захоронениями «праотец, отец и братьев» составляло как бы продолжение вечаевой площади, некогда заполнявшейся перед Троицей живущими псковичами.

10. Белоснежный «Дом святой Троицы» из 25 престолов-церквей возводился на рубеже XIV—XV вв. вероятно не без влияния умозрительного образа небесного «Престола святой Троицы», описанного Иоанном Богословом в Апокалипсисе (церковь Иоанна Богослова построена была одновременно со строительством Троицкого собора в 1365—1367 гг. перед Довмонтовым городом).

К. М. Плоткин (Псков)

Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. в бассейне нижнего течения реки Великой

Скопление археологических памятников в окрестностях Пскова и бассейне нижнего течения р. Великой отделяется от своих соседей отчетливо выраженными ландшафтными границами. Оно состоит из 8 более мелких археологических микрорайонов, включающих в свой состав поселения, погребальные памятники, культовые камни.

В этом регионе известно 9 городищ и 34 селища. Городища у деревень Городище, Врев, Котельно относятся к XIV—XV вв. Ос-

тальные городища возникли во второй половине I тысячелетия н. э., причем помимо поселений (Псков, Камно) известны городища убежища и культовые городища. Большинство селищ относится к древнерусскому времени, но встречаются и более ранние, содержащие лепную керамику второй половины I тысячелетия н. э.

По данным разведок известны 77 курганных могильников, в которых зафиксировано свыше 500 насыпей, 27 жальничных и 3 грунтовых могильника. Раскопкам подвергались 86 курганных насыпей и 178 жальничных могил.

Курганные могильники по своему составу и особенностям погребального обряда разделяются на три типа: могильники, состоящие из длинных или длинных и полусферических курганов; могильники, состоящие из одиночных сопковидных или сопковидных и полусферических курганов; могильники, состоящие из полусферических курганов, включая курганно-жальничные могильники.

По материалам погребальных памятников прослеживается три периода, соответствующие существенным изменениям в жизни населения округа Пскова. В VI—VII вв. существовали исключительно могильники с длинными курганами. В VIII—IX вв. наряду с ними появляются могильники с сопковидными курганами. В одном могильнике длинные и сопковидные насыпи встречаются редко. Три таких могильника, содержащих 28 из известных 58 сопковидных насыпей, находятся в излучине среднего течения р. Черехи. Такая концентрация сопковидных насыпей в одном микрорайоне объясняется его непосредственным соседством с ареалом новгородских сопок. В древнерусское время здесь проходил путь, соединявший Псков с Новгородом. В эпоху сопок и длинных курганов по этому пути из ареала сопок проникала в округу Пскова мода на сооружение высоких округло-конических насыпей. Присутствие среди них некоторого количества памятников, неотличимых от собственно новгородских сопок, позволяет предположить и инфильтрацию отдельных групп населения.

В течение X—XI вв. в округе Пскова распространяются могильники, состоящие из одних полусферических курганов. Помимо берегов р. Великой они появляются к северу от Пскова, в полосе приозерного ландшафта и по течению р. Псковы, на ранее незаселенных территориях. Одновременно появляются единичные грунтовые могильники, откуда происходит типично латгальский погребальный инвентарь. Эти процессы совпадают с завершением формирования Пскова как древнерусского города. Они связаны с включением близлежащих территорий в сферу его непосредственного влияния, распространением раннефеодальных форм эксплуатации.